
ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 1(091)

DOI: 10.25730/VSU.7606.19.029

Концептуальный дизайн истории философии как реконструирующая рефлексия философской сети*

А. С. Колесников

доктор философских наук, профессор кафедры истории философии, Институт философии,
Санкт-Петербургский государственный университет. Россия, г. Санкт-Петербург.
ResearcherID: L-6757-2015. E-mail: kolesnikov1940@yandex.ru

Аннотация. Статья представляет проблему анализа исследований истории философии как реконструирующей рефлексии концептуальной сети. Западноевропейская философская традиция теории историко-философского процесса (гегелевская, неокантианская, марксистская и др.) трудно применима в наши дни для конкретного анализа исторического развития и достижений мысли отдельных регионов и национальных государств. Процесс рационального доказательства приемлемости нововведенных представлений в истории философии, или *реконструирующая рефлексия*, включает не только отражение, но диалог, деятельность, процесс. Дело в том, что реальная конфигурация культурного пространства выстраивает совершенно иные отношения человека и внешнего мира, возникают иные медиальные сферы, несовместимые с традиционным «универсумом вещей». Цель статьи – показать, что развитие истории философии, учитывающей взаимодействия западной и не западной философии, требует разработки прагматического конструктивизма при анализе философии концептуальной сети, принимая в расчет рефлексивность и универсальность. На основе историко-генетического метода раскрывается историографическая рефлексия истории философии древности в Средние века. И хотя мыслители получали материал о философах из третьих рук, факты говорят о том, что разговор о теории истории философии начинается не с эпохи Возрождения, а в раннее Средневековье. История философии – одна из семиотических систем, моделей, объясняющих мир и одновременно его конструирующих. История философии анализируется как код или система, которая позволяет создавать новые тексты. Как новая методология исследования в данной области предлагается «История философии без любых пробелов» П. Адамсона, использующая непрерывный нарратив СМИ и интернета.

Ключевые слова: историография, теория истории философии, историографическая рефлексия, реконструирующая рефлексия.

Логика информации об истории философии может выглядеть как концептуальный дизайн [8]. Мы живем в VUCA-мире. Акроним составлен из английских слов Volatility, Uncertainty, Complexity и Ambiguity – изменчивость, неопределенность, сложность и неоднозначность. В VUCA-мире всем приходится постоянно переучиваться. Этого пересмотра требует и история философии. Вопросов, связанных с веком информатизации, накопилось уже достаточно. Есть простые, типа, «что такое философия?», есть нерешенные вопросы, есть различные методологии [16], а какая из них более правдоподобна, что является основанием для философских размышлений, как быть с большими данными, работает ли логика дизайна как концептуальная логика информации, в чем сущность перезагрузки философии и т. д.

Традиции истории философии и современность. Для современного этапа развития истории философии актуальной становится разработка ее теории. Западноевропейские философские традиции теории историко-философского процесса (гегелевской, неокантианской, марксистской и др.) трудно применимы при анализе исторического развития и достижений мысли отдельных регионов и национальных государств. Часто абстрагирование, парадигма, категориальный материал западной философии требовали от историка философии схематизации и

* Работа выполнена при поддержке фонда РФФИ № 17-18-01440 «Антропологическое измерение истории философии».

© Колесников А. С., 2019

«насилия» при исследовании конкретного текста истории мысли. На смену доксографии пришел социокультурный анализ историко-философского процесса, учитывающий социально-экономические, политические условия развития той или иной культуры и ментальности народа. Такой подход вызвал ряд проблем, ибо ряд стран и регионов не имели самостоятельного характера этих процессов, будучи интерпретаторами философских достижений западных аналогов, как это происходило в Африке и Латинской Америке.

Известно, что философские традиции, школы и направления почти всегда осуществляются под влиянием других философских культур. Философия получает развитие не на основании уже сформированного философского языка, а сам этот язык есть продукт длительного формирования философских исследований в определенной национальной культуре и развивается параллельно с философией. Это особенно проявляется в период создания самой западноевропейской философии, когда было сильное влияние античности, средневековья, теологии, латыни, естественнонаучной теории, национальных теорий философии. Каждая эпоха, каждая личность философа и его философский труд в реальности представляют собой совокупность отдельных «конкретных явленностей абстрактного», которые различны по своему содержанию и не имеют связей. Историк философии должен поставить их в отношение между собой и определить отношение к исследователю. Затем включается процесс рационального доказательства приемлемости нововведенных понятий в истории философии, что Н. Гудмен и Х. Патнэм назвали *реконструирующей рефлексией*. Она включает не только отражение, но диалог, деятельность, процесс. Проблема в том, что существующая конфигурация культурного пространства выстраивает совершенно иные отношения человека и внешнего мира, возникают иные медиальные сферы, не совместимые с традиционным «универсумом вещей». Бодрийяр писал о превалировании функциональности, вещь – это олицетворение функции и манифестация. Функциональность безразлична к тому, каким образом она должна быть реализована. Другое отношение к миру возникает лишь тогда, когда изменяется сам человек.

Практическая философия, порождаемая личностью мыслителя, представляется, по сути, планом индивидуального самоосуществления, личного утверждения и обретения, внедрения и возвращения в нем способности к духовной свободе. Это воля к совершенствованию как установление/определение права на свое пребывание в мире, исполнения своего предназначения в истории. Об этом и писал Платон в «Алкивиаде-1». Но среди этого ряда проблем возникают вопросы о том, что такое Просвещение, какие вопросы обсуждает философия и что это такое – философия, какова сегодня форма духовной реальности, порожденная постмодернистским вызовом? Да только ли им? Общество стало сетевым, коммуникативно-информационным. Следовательно, и философия должна быть другой, а история философии вынуждена строить новые схемы ее развития. Тогда требуется перезагрузка философии и истории философии, понять их дизайн и через философскую антропологию приблизиться к этому свершению без постмодернистских изысков. Это реализация своеобразного *прагматического конструктивизма*.

Философия концептуальной сети. Мы всегда получаем доступ к любой действительности через определенные интерфейсы, или уровни абстракции, принимая концептуальную основу науки или создавая ее. Мир обеспечивает данные, а мы преобразовываем их в информацию, как семантические двигатели. Но такое преобразование не эквивалентно описанию или изображению чего-либо. Это больше похоже на кулинарию: блюдо не представляет компоненты, а использует их, чтобы сделать что-то еще из них, все же привлекательность блюда и его качеств весьма зависит от реальности и свойств компонентов. Модели – не представления, понятые как картины, но интерпретации, понятые как разработки данных, систем. Таким образом, целая книга может быть прочитана как артикуляция и защита тезиса, что знание – дизайн и что философия – некая *форма концептуального дизайна*.

Изменение от представления до интерпретации мира может быть спорным. Конструктивистское исследование в концептуальной логике семантической информации существует и как модель (*mimesis*), и как проект (*poiesis*). Права и обязанности связаны с *poietic* методами, которые характеризуют наше существование, от понимания мира к его изменению. Эпистемологический, концептуальный и *нормативный конструктивизм* поддерживает исследование возможностей дизайна, который мы имеем в понимании и формировании как «человеческий проект» в наших информационных обществах. Но при этом есть сила логических порядков, неизбежная, ограничивающая власть динамических структур, у которых есть особенности и способы взаимодействия, совершенно независимых от наших наказов и желаний.

Есть нечто тайное в развитии новых идей в философии [14]. Но мы часто полагаемся на «системные аттракторы», когда новая идея походит на старую концепцию.

Что касается формулировки *философии концептуальной сети*, то она начинается с того, что понятие определяется как единица значения. Согласно этой идее, наш ум исполняет роль концептуальной сети, которая состоит из непрерывных понятий, имеющих значения через коннотацию. Язык – вторичное явление относительно концептуальной сети: слова языка соответствуют лучше всего распознанным понятиям, и их значение определено концептуальной «подкладкой». Концептуальные сети логики, математики и особенно философии не определены точно [13, с. 451–491]. Понятия в семантической области, у которой есть некоторые специальные свойства, составляют концептуальную сеть. *Концептуальная сеть* – ряд понятий, связанных определенными семантическими отношениями. Это просто удобная модель, которая позволяет нам описывать явления, доступные для нас, и строго определять отношения между ними. Любая модель может быть заменена лучшей моделью. У понятий только есть значение из-за их коннотаций в ссылке к другим понятиям. Понятия рождаются посредством «поляризации» на «семантических осях» относительно других понятий их «окружения».

Свойства концептуальной сети – рефлексивность и универсальность – определяют полноценность идеи концептуальной сети в философии. *Универсальность* означает, что определенная концептуальная сеть позволяет нам схватывать все явления, доступные для нас. Мы можем дать понятие любому виду формы существования, от самого реального и материального до самого общего, мифического или виртуального объекта, миру идей, ценностей и чувств. Ибо независимо от того, что мы чувствуем, это должно значить что-то для нас. Но из-за концептуальной (и поэтому релятивной, или относительной) природы наших взглядов невозможно построить в нашем сознании систему, которая была бы успешной в абсолютном, автономном смысле, то есть независимо от его семантического контекста. Понятия считаются более «реальными», определенными и очевидными, чем глубже они включены в отношения с другими понятиями. Поэтому, например, любая философия – нечто больше, чем простое утверждение понятий. Там есть своя мифологическая среда, свои цели, связь с материальным миром. *Концептуальная карта философии* имеет свой пейзаж. Примерами концептуальных карт служат области повседневной жизни, науки, религии и эстетики. Карта науки включает карты своих дисциплин в естественных и гуманитарных науках. Парадигмы в науке – пример другой категории концептуальных карт. Каждая из этих карт развивалась в относительной изоляции и разработала собственные понятия, законы и системы значений. Достаточно сравнить значение понятия «времени» в физике, химии, биологии, психологии и философии.

Приписывание различных понятий к одинаковым лингвистическим именам может приводить к конфликтам между наукой, религией, философией и повседневной жизнью. Принимая в расчет смысловую природу концептуальной сети, мы можем сказать, что это последовательность параллельных разъяснений и «соглашение» о соответствующих понятиях никогда не будет завершено. Конвенция о концептуальных картах улучшает технические требования понятий. Семантическая среда понятия в согласованной карте более богата, чем стартовые карты, а ее признаки лучше определены. «Конечный продукт» этого процесса был бы объединенной картой, не способной к дальнейшему соглашению с другими картами. Именно по этой причине Великое Объединение Науки – утопия. История разработки различных концептуальных карт и история их возможных объединений показывает, что такие понятия, как «материя», «причинная связь» и «событие», которые известны нам из обыденного языка, теряют их значение, например, в квантовой механике. Материя «тает» в интенсивности поля, функциях волны, вероятностях и эквивалентностях с энергией, так что мы не можем сказать точно, что мы действительно имеем в виду, когда мы говорим «материя». В более широком масштабе этот процесс происходит в философии, где каждая аналитическая обработка суждения демонстрирует эфемерность, нонсенс и отсутствие законности, что понято ранним Витгенштейном и логическими позитивистами.

Все ранее указанные понятия, намеки значений и появляющиеся идеи прежде были одеты в более богатые концептуальные одежды, но они уклоняются от языка. Лингвистическое познание, которое является очень важным и стимулирующим для развития концептуальной сети, состоит из придания имен новым понятиям. Таким образом, язык – прежде всего, превосходный инструмент для эффективного использования концептуальной сети. Язык – часть концептуальной сети, которая составляет грубое воспроизводство (карту) целой сети. Чтобы избежать подозрения в солипсизме, мы должны прояснить, что мы не описываем, ка-

ков мир, но только то, что мы можем сказать о нем, и таким образом мы занимаем в этом отношении позицию Витгенштейна. Исторические эпохи, затрагивая все современные умы, изменяют восприятие данного текста: какие значения будут получены из текста, зависит от культурного, исторического и психологического контекста его получателя. Об этом писал Поль де Ман (1971; 1979). То же относится к отдельным предложениям языка или даже отдельным словам. На самом деле это относится к широко определенному языку, т. е. включая жесты, выражения лица, системы символов и другие части сигналов. Поскольку корреспонденция между концептуальной сетью и языком совсем неясна, процесс перевода никогда не будет однозначен.

Деабсолютизация в философии. Абсолютная истина (нечто с автономным значением) независима от любых контекстов и ссылки. Это пустое название, которому ничто «реальное» или разумное не соответствует. Итак, *автономия значений невозможна* (assertorically). Но вся история философии (в особенности онтология) следовала за известным образцом: вы придадите абсолютное значение понятию, которое создает аксиологическое основание для описания мира. Такие предположения были необходимы, если мы хотели выразить в полной мере универсальные истины обо всех явлениях, доступных для нас. Описание любой, даже актуальнейшей философской системы, заканчивается в любом детальном исследовании со списком причин, почему система на самом деле недопустима. Абсолютная истина – внутренне противоречивое понятие, и это внутреннее противоречие может быть найдено в каждой философской системе. С изменением семантического контекста меняется идентичность самого понятия. Потребность в абсолютном знании является понятной по психологическим причинам, ибо поиск устойчивого основания универсальных истин всегда сопровождал человеческое познание. К сожалению, это познание постепенно лишало человечество абсолютных понятий. История точных и естественных наук и связанной с ними философии – это серия постепенной деабсолютизации всего. С самого начала современная наука вынудила каждого интеллектуала выбирать между познавательной честностью и психологическим комфортом.

Продвигающийся процесс деабсолютизации затронул многие сферы. Прогресс исследования нейрофизиологических механизмов восприятия, а также молекулярного основания памяти, оставили мало пространства для духа в его внутреннем качестве или для автономного и индивидуального сознания. Мы можем привести примеры деабсолютизации логики (автономия выбора Рассела), деабсолютизации формальной математики (теорема Геделя), опровержение строгого детерминизма в физике XX в., отрицание «абсолютного» явления жизни (например, «жизненная сила»), переход от холизма к редукционизму и т. д.

Логика, используя имена, в состоянии описать мир только грубо. Возможно «быть» объектом, категорией, понятием, мыслью, идеей, чувством, вещью, фантазией, но также возможно «быть» в смысле «существовать». В каждом случае это другой вид того, чтобы быть (с различными признаками), и на самом деле у каждого из них должно иметься отдельное имя. Так, конкретное дерево «существует» по-другому, чем моральный принцип или категория. Любой последовательный логический анализ ведет к тому, чтобы закончить деабсолютизацию любой философии, хотя ранний Витгенштейн и логические позитивисты по ошибке соизмерили предложения философии с предложениями науки. И тем не менее создание философской системы требует абсолютизации определенного понятия (или системы понятий). После этой операции возможно описать «мир» языком, близким к концептуальной карте обыденного языка.

Но где активный фактор, т. е. генератор понятий? Их два: основной и вторичный. Основной – «внутренняя деятельность концептуальной сети», то есть мыслительные процессы. Ум и мышление могут работать очень эффективно, как концептуальная сеть. Конфронтация понятий с миром составляет их вторичный генератор, и именно поэтому важная роль отводится естественным наукам. В то время как отношение строгого обозначения между концептуальной сетью и реальным миром невозможно. Факты этого мира составляют точки, вокруг которых напрягается концептуальная сеть, если она поддерживает контакт с миром. Практика требует, чтобы наша концептуальная сеть так или иначе была адаптирована к исследованию внешнего мира. У философии нет ни четко определенной концептуальной сети (и таким образом четко определенного языка), ни прямого контакта с миром: у нее нет ни внутренней, ни внешней возможности проверить ее понятия. Поэтому современная философия обязана ассимилировать/интерпретировать понятия точных наук, что практически составляет возможность для ее развития. Другими словами, точные науки должны рассматриваться как

главный генератор понятий (и парадигмы) для философии. Однако при этом философия, как «семантический буфер» на границе семантической пустоты, будет всегда в некотором роде предшествовать науке в описании мира.

Столкновение между концептуальной сетью и миром (на уровне внутренней философии) является сильным генератором новых понятий. Физика и нейрофизиология обеспечивают хорошие примеры процесса. Общая теория относительности Эйнштейна – яркий пример явления релятивизма и относительной природы значений в концептуальной системе – понятия пространства, времени, материи, силы тяжести, скорости и энергии там так сформулированы, что они явно имеют значения только относительно других понятий. В настоящее время только у естественных наук есть соответствующая методология (эксперименты, наблюдения) измерения степени корреспонденции между «реальным» миром и концептуальной сетью. Мы полагаем, что они главная возможность для развития философии.

Гуманитарные науки молчаливо принимают факт существования объективного мира, но они сосредотачивают свое внимание на человеческой культуре, которая развивается в большей степени случайно. Возможно, самой очевидной проблемой философии – и самой близкой к повседневной жизни – является дихотомия духа и материи. Она стимулировала развитие философии большей части ее истории. Дух и материя – такой сильный «переплет» в повседневной концептуальной карте, что каждая новая философия должна указать на место в нем, которое занято этими двумя «категориями явлений».

Разрушительная сила логического анализа, видимо, в том, что, используя его, мы можем продемонстрировать неправомочность (в абсолютном смысле) любой философской системы. Структура концептуальной сети несколько напоминает пену, состоящую из мыльных пузырей различной семантической окружающей среды. У каждого понятия есть значение относительно других понятий через коннотацию. В принципе мы можем передать не понятия, но их соответствующие названия. Формирование новых понятий зависит в основном от уже существующей структуры концептуальной сети. Ни один из ориентиров не может стремиться к универсализму: в философии, нет, к сожалению, никакого непоколебимого основания, чтобы быть отправной точкой нашего рассуждения. Невозможно прийти к любому финальному заключению или найти абсолютную основу для дальнейшего обсуждения. Ситуация философа точно напоминает Барона Мюнхгаузена, который вытащил себя из болота за собственные волосы. Философия, требуя «абсолютной истины» о мире, в конечном счете подвергает сомнению самый факт его существования. Деррида говорит о невозможности определить текст однозначно. Философия – это желание означивать, но «оно бесконечно отсрочено. Письмо как отсрочка, как различие – вот основная идея философии Деррида» [1, с. 167]. «Нежные пуговицы» – поиск способа «неназываемого» соединения слов с независимой жизнью объектного мира. Слова, употребляемые Стайн, не описывают видимую вещь, но воссоздают ее присутствие в нашем восприятии через определенную систему отношений с нею [8, с. 300]. Бодрийяр писал о том, что «современная ирреальность относится уже не к строю воображаемого, но к строю сверхреференции, сверхистины, сверхточности – она состоит в том, что все выводится в абсолютную очевидность реального» [2, с. 334].

Историографическая рефлексия истории философии. Итак, картина создания историко-философской науки, процесс развития философской мысли, категорий и принципов, закономерностей и тенденций сложен. Важна историографическая рефлексия, или теория истории философии. Обстоятельную работу в этом плане провел З. А. Каменский. Однако наращивание новых результатов требует других исследований, касающихся детерминации, структуры, пропедевтики, статуса, функций историко-философского знания. Многие философские тексты не только фиксируют феномены историко-философского процесса, когда упоминается мыслитель и его концептуальное видение проблемы, но и включают элемент рефлексии, касающийся историографии философии. Как правило, этот процесс начинают с упоминания Аристотелем в «Метафизике» мнений предыдущих философов по поводу четырех причин, при рассуждениях о которых он дает мотивацию обращения к историко-философскому курсу, но и демонстрирует важность его для обоснования теории.

Этот элемент рефлексии с тех пор стал сутью историко-философских представлений античных и средневековых авторов. В развитой схоластике материал об античных философах начинает соединяться в историко-временные модели (Петр Коместор, Винсент де Бовэ, Уолтер Бурлей). В постсредневековой схоластике (в творчестве Педро да Фонсеки, Коимбрцев, Т. Стэнли и др.) продвинулись вопросы «истории идей», что способствовало формированию

базы истории философии в нынешнем ее понимании. Средневековые мыслители узнавали о философах древности из вторых и третьих рук (даже известные тексты Аристотеля, по реплике Ренана, представляли «латинский перевод с еврейского перевода комментария к арабскому переводу сирийского перевода, сделанного с греческого текста» [6, с. 40]). Часто известные мыслители исключались историками из числа авторов, достойных внимания. Важность того или иного мыслителя измерялась показателем его родства с одобренными Церковью позициями. Основатель средневекового энциклопедизма Исидор Севильский (ок. 560–636) пишет о суетной мудрости античных философов и указывает на множество ересей (*haeresibus*) в их учениях. В раннее Средневековье 20 томов «Этимологии» Исидора были доминирующим источником по содержанию древней философии. *Historia Scholastica* Петра Коместора (XII в.) выступает иллюстративным дополнением к библейской истории, а философия здесь – негативный фон заблуждений Платона, Аристотеля, Эпикура.

Вплоть до XIII в. контекст истории не использовался, затем он включается в единое миропонимание, и схоласты XIII–XIV вв. становятся предшественниками гуманистов. У гуманистов XV в. интерес к истории мысли был связан с «возрождаемыми» ими доктринами «классической древности» [18, р. 4, 6, 15–20]. Что касается внимания к личностям мыслителей, которое приписывают гуманистам, то оно проявляется вначале у отдельных средневековых авторов. Первенство принадлежит «Историческому зеркалу» французского схоласта Винсента де Бовэ (1190–1264). Это собрание отрывков из работ Евсевия Кесарийского, Петра Коместора, Гая Юлия Солина и мыслителей, таких как Цицерон, Боэций и Аристотель. Их жизнеописания и стимулируют внимание к философам Греции и Рима. Англичанин У. Бурлей (1275–1344) в работе «О жизни и нравах философов» (1316) местами почти дословно повторяет работу Винсента. Ссылки его на отрывки из работы Диогена Лаэртца, как и на свидетельства Исидора и ряда раннесредневековых авторов, воспринимаются им как авторитетные [7, с. 5–16]. Биографии Цицерона и Сенеки подаются с обширными цитатами из их работ, наряду с биографиями Платона и Аристотеля, что, несомненно, походит на манеру гуманистов. Главное в книге – не оригинальность, а интерес к жизни избранных мыслителей, к их самобытной и наставительной системе мышления.

Эта установка развивается в традиции историографии Х. Шеделя (1440–1514). Его «Всемирная хроника» (1493) дает краткие данные множества философов древности и Средневековья. Позднее Средневековье в работе Педру да Фонсека («Комментарии к книгам Метафизики Аристотеля», 1577) и «Коимбровский курс комментариев к аристотелевскому корпусу сочинений» (1576–1606) уже четко обозначили историографическую тенденцию. В «Коимбском курсе» история философии получает относительно суверенное значение, хотя не обособлена от исходного текста и от задач его комментирования, но читателю рекомендуется осознанно представить философские школы без сомнения и избирательности в отношении к древней философии.

Томас Стэнли (1625–1678) осуществляет соединение биографического (личной истории) и доктринального (концептуального) методов в «Истории философии, содержащей жизнеописания, мнения и рассуждения философов всех сект» (4 т. 1655, 1656, 1660, 1662). Как представитель классического типа ренессансного полигистора, он, как и другие энциклопедисты XVI–XVII вв. (К. Гесснер, У. Альдрованди и др.), озабочен не содержательной стороной, а информационной полнотой всех дошедших до нас сведений о том или ином мыслителе. Следуя схеме Диогена Лаэртца, Стэнли распределяет материал по семи мудрецам и их ученикам, а затем по сектам (школам) [22].

Все это приводит к заявлению редактора «Модели истории философии», что история философии формируется в эпоху Ренессанса, когда ставится проблема авторства трудов и теорий при реконструкции античной философии и определении достоверности знаний о школах и последователях [18, р. 4–5]. Ранее Люсьен Браун определяет историко-философские подходы античности как «наивную историю», время с XV в. до сер. XVII в. – как «эрудитскую историю», этап с кон. XVII в. до сер. XVIII в. называет «прагматической историей», отрезок кон. XVIII в. и нач. XIX в. именуется «историей философии как развитие», начало XIX в. нарекает «историей философии до появления критицизма» и сложившееся в середине XIX в. видение истории философии называет «романтическим» [11]. Таким образом, отмечает Р. В. Савинов, десять веков оказались вне истории философии. Уже в начале XXI века Л. Катана переносит формирование истории философии как особой области знания к работам XVIII в. Я. Бруккера (12, р. 4).

История философии теряет и средневековый тип философии, и схоластический тип рациональности. Но понимание историчности философии формировалось и в эпоху схоластики. Ибо от разбора решений «топосов» (элементов содержания Библии) и «артикулов» мыслители приступают к систематическому анализу сопряженных проблем, в дальнейшем объединяющихся неким принципом и методологией. Предлагаемая ими интеллектуальная реорганизация универсума значительно выделяла эту эпоху, поскольку здесь отсутствовала средневековая осторожность размышления о всеобщем, как и художественно-направленное мирозерцание Ренессанса, представлявшего мир не системой, а некой «картиной», образом, открытым для естественного переживания. Так тяготение к глубокой и обоснованной систематике в философии раннего Нового времени, начиная с Ф. Бэкона, становится определяющим направлением ее дальнейшего развития.

Теория истории философии. Теорию истории философии как философской науки изложил К. А. Хейман (1681–1764) в первых выпусках «Acta philosophorum» (1715–1727). В Новое время рефлексия превращается в содержательную и важную часть историко-философских работ у таких авторов XVIII века, как А. Ф. Буро-Деланд (3 т. 1737) и И. А. Эберхард (1788). Тогда как Х. А. Тидеман (1791), В. Г. Теннеман в 11 т. (1798–1819), И. Бруккер в 5 т. (1742–1744) уже дают рефлексивный материал, предваряющий историко-философское сочинение. Подобные размышления есть и в «Краткой истории о философах и славных женах» Р. де Бюри (1730–1794) [3]. Что касается Гегеля, то в своих лекциях по истории философии он возвышает историю философии до статуса философской науки.

Однако эти «введения» были порождены «классификационным» подходом Канта к истории философии. Кантианцы К. Рейнгольдт (1791), Г. Филлеборн (1791), И. Громан (1798), Х. Вейсс (1799) выступили против «реферирующей» за новую «прагматическую» историю философии. Размышления об истории философии как науке существуют с конца XVIII в. и реализованы в потоке специальных изданий. Характеристику подобного рода работ в Западной Европе XIX в. с акцентом на французской традиции дал Л. Браун [11], а немецкой – Лутц Гельдзетцер [15].

В XX в. издание подобных сочинений происходило в более значимых масштабах. Здесь множество авторов, разнообразие дискутируемых проблем и теоретических построений, предложенных читателю. Сама терминология этой историко-философской дисциплины в процессе обоснования. Следуя схемам Гельдзетцера, ее называют «теорией истории философии», «наукой истории философии», «теорией историографии истории философии». Отсутствие единства в терминологии и теоретических изысканиях особенно усилились во второй половине XX века. В принципе авторы согласны, что история философии понятна именно вкупе с мировой историей и на ее базе. В XXI веке Роберт Пирси считает, что жанр «историко-философского философствования» соединяет историческую и рациональную реконструкцию. Появляется некий «гибрид философии “в чистом виде” и истории философии». Это *нарратив* – пространное описание прошлых концептуальных моделей и «картин действительности», которые предлагают направление совершенствования философской мысли [20, р. 1, 9–10, 21–22, 31].

Среди «реконтекстуалистов», как и постмодернистов, пользуются вниманием теории аномальные и специфичные в истории философии. «Иронический теоретик “реагирует не на идеи, а на людей”» [21, р. 136]. Конечно, стоит постоянно помнить, что сама философская теория (система, идея) значима и понятна именно в своей исторической связи, через тенденции эпохи и рациональный тип культуры. Об этом и писал Гегель, что история философии есть история мысли, а не мыслящих индивидов [4, с. 70]. Философия Востока и Запада, Севера и Юга развивается и формирует всеобщие духовные конструкции, объединяющие разные типы мысли в цельный процесс онтогенеза философии. Так, Питер Адамсон предложил использовать ресурсы интернета и дать «Историю философии без любых пробелов» [10] на основе двадцати правил [9].

Не-западные философии рассматриваются как дополнительные или альтернативные традиции Западной. При этом учитываются текст и контекст, роль религии, точные пределы того, что составляет философию. Следует разрешить дилемму между параллельными, дополнительными и альтернативными философскими традициями в рамках истории философии. Вызовы истории философии – это потребность обратиться к методологии, которая даст некий ответ на разнообразные варианты, методы, стили и критерии истории философии. Не-западные философские концепции, следуя прагматическому конструктивизму, требуют

анализа схватывания ими всех явлений жизни при тщательной историографической рефлексии формирования истории философии в этих регионах. Философии не завершают системы понятий, а становятся источниками новых мыслей, умов, идей, это *metanoia*.

Список литературы

1. Бак-Морс С. Выступление в Москве / Ad Marginen'93. М. : Ad Marginen, 1994. С. 165–173.
2. Бодрийяр Ж. О совращении / Ad Marginen'93. Ежегодник. М. : Ad Marginen, 1994. С. 324–353.
3. Бюри Ришар де. Краткая история о философах и славных женах. Москва. 1804. 396 с.
4. Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. Кн. I. СПб. : Наука, 1993. 350 с.
5. Матвейчев О. А. К дискуссии о генезисе древнегреческой философии // Научный ежегодник ИФ и права Уральского отделения РАН. 2016. Т. 16. Вып 4. С. 5–16.
6. Ренан Э. Аверроэс и аверроизм / пер. с фр. под ред. В. Н. Михайлова. 2-е изд. М. : ЛЕНАНД, 2010. 248 с.
7. Савинов Р. В. Античная философия в схоластическом дискурсе // История философии. 2018. Т. 23. № 2. С. 5–17.
8. Стайн Г. Поэзия и грамматика / Ad Marginen'93. М. : Ad Marginen, 1994. С. 266–302.
9. Adamson P. 20 Rules for History of Philosophy / December 31, 2016', accessed November 8, 2017. URL: <https://historyofphilosophy.net/rules-history-philosophy>.
10. Adamson P. Classical Philosophy. A History of Philosophy without Any Gaps. Vol. 1. Oxford : Oxford University Press, 2014. 368 p.
11. Braun L. Histoire de l'histoire de La Philosophie. Paris, Ophrys, 1973. 400 p.
12. Catana L. The Historiographical Concept "System of Philosophy": Its Origin, Nature, Influence and Legitimacy. Leiden ; Boston : Brill, 2008. xx+387 p.
13. Floridi L. The Logic of Information. A Theory of Philosophy as Conceptual Design. Oxford University Press, 2019. 272 p.
14. Floridi L. The Fourth Revolution: How the Infosphere is Reshaping Human Reality. Oxford University Press, Incorporated. 2014. 264 p.
15. Geldsetzer L. Die Philosophie der Philosophiegeschichte in XIX Jahrhundert Meisenheim-am-Glan. 1968.
16. Glucksmann A. La bêtise. P. Grassat, 1985. 274 p.
17. Korzeniewski B. Philosophy of Conceptual Network // Open Journal of Philosophy, 2014. 4. P. 451–491. Published Online November 2014 in SciRes. URL: <http://www.scirp.org/journal/ojpp> <http://dx.doi.org/10.4236/ojpp.2014.44050>.
18. Models of the History of Philosophy: From Its Origins in the Renaissance to the 'Historia Philosophica'. Vol. 1. Ed. by G. Santinello. Dordrecht: Kluwer Academic Publishing, 1993. 500 p.
19. Normore C. The Methodology of the History of Philosophy / *The Oxford Handbook of Philosophical Methodology*, ed. by Herman Cappelen, Tamar Szabó Gendler, and John Hawthorne. NY : Oxford University Press, 2016. P. 27–48. URL: <http://www.oxfordhandbooks.com/view/10.1093/oxfordhb/9780199668779.001.0001/oxfordhb-9780199668779-e-17>.
20. Piercey R. The Uses of the Past from Heidegger to Rorty: Doing Philosophy Historically. Cambridge, 2009. 235 p.
21. Rorty R. Contingency, Irony, and Solidarity. Cambridge UP. 1989. 201 p.
22. Stanley Th. The History of Philosophy, in Eight Parts. L. : Mosery & Dring, 1656. 858 p.

Conceptual design of the history of philosophy as a reconstructive reflection of the philosophical network

A. S. Kolesnikov

Doctor of Philosophical Sciences, professor of the Department of history of philosophy,
Institute of Philosophy, St. Petersburg State University. Russia, St. Petersburg.
Researcher ID: L-6757-2015. E-mail: kolesnikov1940@yandex.ru

Abstract. The article presents the problem of analyzing the historiography of the history of philosophy as a reconstructive reflection of the conceptual network. The Western European philosophical tradition of the theory of historical and philosophical process (Hegelian, neo-Kantian, Marxist, etc.) is difficult to apply today for a specific analysis of the historical development and achievements of thought of individual regions and national states. The process of rational proof of the acceptability of new ideas in the history of philosophy, or reconstructive reflection, involves not only reflection, but dialogue, activity, process. The fact is that the real configuration of cultural space builds a completely different relationship between man and the outside world, there are other

medial spheres, incompatible with the traditional "universe of things". The purpose of the article is to show that the development of the history of philosophy, taking into account the interaction of Western and non-Western philosophy, requires the development of pragmatic constructivism in the analysis of the philosophy of the conceptual network, taking into account reflexivity and universality. On the basis of the historical-genetic method, the historiographical reflection of the history of philosophy of antiquity in the Middle Ages is revealed. And although thinkers received material about philosophers from the third hands, the facts suggest that the conversation about the theory of the history of philosophy begins not with the Renaissance, but in the early middle Ages. The history of philosophy is one of the semiotic systems, models that explain the world and at the same time construct it. The history of philosophy is analyzed as a code or system that allows the creation of new texts. As a new research methodology in this area, P. Adamson's "History of philosophy without any gaps" is proposed, using the continuous narrative of the media and the Internet.

Keywords: historiography, theory of history of philosophy, historiographic reflection, reconstructive reflection.

References

1. Buck-Morse S. *Vystuplenie v Moskve* [Performance in Moscow] / AdMarginen'93. M. Ad Marginen. 1994. Pp. 165–173.
2. Jean Baudrillard. *O sovrashchenii* [On seduction] / AdMarginen'93. Yearbook. M. Ad Marginen. 1994. Pp. 324–353.
3. Buri Richard de. *Kratkaya istoriya o filosofah i slavnih zhenah* [A brief history of the philosophers, and the glorious wives]. M. 1804. 396 p.
4. Hegel G. V. F. *Lekcii po istorii filosofii* [Lectures on the history of philosophy]. Book I. SPb. Nauka. 1993. 350 p.
5. Matvejchev O. A. *K diskussii o genezise drevnegrecheskoj filosofii* [On the discussion of the genesis of ancient Greek philosophy] // *Nauchnyj ezhegodnik IF i prava Ural'skogo otdeleniya RAN* – Scientific yearbook of IPh and law of the Ural branch of the RAS. 2016. Vol. 16. Is. 4. Pp. 5–16.
6. Renan E. *Averroes i averroizm* [Averroes and averroism] / transl. from Fr. under the editorship of V. N. Mikhailov. 2nd publ. M. LENAND. 2010. 248 p.
7. Savinov R. V. *Antichnaya filosofiya v skhologicheskoi diskursii* [Ancient philosophy in scholastic discourse] // *Istoriya filosofii* – History of philosophy. 2018. Vol. 23. No. 2. Pp. 5–17.
8. Stajin G. *Poeziya i grammatika* [Poetry and grammar] / AdMarginen'93. M. Ad Marginen. 1994. Pp. 266–302.
9. Adamson P. 20 Rules for History of Philosophy / December 31, 2016', accessed November 8, 2017. Available at: <https://historyofphilosophy.net/rules-history-philosophy>.
10. Adamson P. *Classical Philosophy. A History of Philosophy without Any Gaps*. Vol. 1. Oxford : Oxford University Press, 2014. 368 p.
11. Braun L. *Histoire de l'histoire de La Philosophie*. Paris, Ophrys, 1973. 400 p.
12. Catana L. *The Historiographical Concept "System of Philosophy": Its Origin, Nature, Influence and Legitimacy*. Leiden; Boston : Brill, 2008. xx+387 p.
13. Floridi L. *The Logic of Information. A Theory of Philosophy as Conceptual Design*. Oxford University Press, 2019. 272 p.
14. Floridi L. *The Fourth Revolution: How the Infosphere is Reshaping Human Reality*. Oxford University Press, Incorporated. 2014. 264 p.
15. Geldsetzer L. *Die Philosophie der Philosophiegeschichte in XIX Jahrhundert* Meisenheim-am-Glan. 1968.
16. Glucksmann A. *La bêtise*. P. Grassat, 1985. 274 p.
17. Korzeniewski B. *Philosophy of Conceptual Network* // *Open Journal of Philosophy*, 2014. 4. Pp. 451–491. Published Online November 2014 in SciRes. Available at: <http://www.scirp.org/journal/ojpp> <http://dx.doi.org/10.4236/ojpp.2014.44050>.
18. *Models of the History of Philosophy: From Its Origins in the Renaissance to the "Historia Philosophica"*. Vol. 1. Ed. by G. Santinello. Dordrecht: Kluwer Academic Publishing, 1993. 500 p.
19. Normore C. *The Methodology of the History of Philosophy* / *The Oxford Handbook of Philosophical Methodology*, ed. by Herman Cappelen, Tamar Szabó Gendler, and John Hawthorne. Pp. 27–48. NY: Oxford University Press, 2016. Available at: <http://www.oxfordhandbooks.com/view/10.1093/oxfordhb/9780199668779.001.0001/oxfordhb-9780199668779-e-17>.
20. Pierce R. *The Uses of the Past from Heidegger to Rorty: Doing Philosophy Historically*. Cambridge, 2009. 235 p.
21. Rorty R. *Contingency, Irony, and Solidarity*. Cambridge UP. 1989. 201 p.
22. Stanley Th. *The History of Philosophy, in Eight Parts*. L. : Mosery&Dring, 1656. 858 p.